

Анатолий Можаровский

Оттенки и тени

Київ
2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.

Оттенки и тени. *Поэзии*. — К.: ВПЦ «Київський
М75 університет», 2013. — 336 с.

ISBN

В поэзии Анатолия Можаровского художественные образы потрясающей реалистической силы проникнуты безграничной любовью к людям и, как всегда, имеют четко выраженную социальную направленность.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Ответственный редактор
Михаил МАЛЮК

В оформлении книги использованы фотоработы
Михаила МАЛЮКА

ISBN

© Можаровский А.И., 2013.
© Малюк М.М. предисловие, 2013.
© Урбанская С.Г., художественное оформление, 2013.

В ЛЮБВИ И ВЕРЕ

Житомирское Полесье...

Вековые леса с голубыми глазами озер, привольные луга, извилистые речушки с увитыми ивняком берегами, а над ними — звенящий птичьими голосами простор... В этих сказочных, по сей день почти не тронутых цивилизацией местах лежит село Кочеров. Здесь, 20 ноября 1954 года, родился Анатолий Можаровский.

Изумительная природа, тогда еще многолюдное и поющее по вечерам село, местный самодеятельный театр, сказки и предания местных старожилов приобщили мальчика к прекрасному, рано пробудили в нем тягу к творчеству. Еще школьником он пробовал писать стихи и юморески, с которыми с огромным успехом выступал в местном клубе и по окрестным деревням. Тогда же сделал и первые попытки напечататься, посылая свои стихи и рассказы в киевские газеты и журналы, но неизменно получал формальные отписки и советы читать классиков...

Классиков он читал. И не только классиков. Перечитал все книги, которые были в сельской и школьной библиотеках. Тогда же начал собирать и свою домашнюю библиотеку, покупая книги на первые, заработанные на сборе грибов, ягод и лесных орехов, деньги.

Окончив в 1969 году восемь классов местной школы, Анатолий поступил в Киевский техникум железнодорожного транспорта. С переездом в столицу он, на сколько позволяла скудная стипендия, приобретал книжные новинки, посещал театры и художественные выставки. Стихи писал все реже и реже, и наконец бросил, целиком посвятив себя учебе. После окончания техникума в 1972 году два года служил в армии. После демобилизации продолжил обучение в Киевском институте железнодорожного транспорта. Работал на Юго-Западной железной дороге, преподавал в родном институте. В первые годы независимой Украины успешно занимался книжным бизнесом, от которого отошел, поняв бесперспективность борьбы с коррумпированными чиновниками. Жизненный опыт, виденное и пережитое, деятельная натура Анатолия требовали выхода, и он снова обратился к мечте своей юности — поэзии. Художник жил в нем всегда...

Мне посчастливилось редактировать все поэтические книги Анатолия Можаровского. Признаюсь, поначалу возникло некоторое настороженное недоумение — уж очень большой, даже громадный, объем переданной мне рукописи невольно вызывал сомне-

ние — а не графомания ли это? Но первые же прочитанные страницы развеяли предубеждение: несомненно — явился настоящий поэт, обладающий своим оригинальным языком и стилем, поэт предельно откровенный, поэт-первопроходец и воин, сознательно и ежедневно бросающий себя в неравные, и не сулящие побед, сражения с обезумевшим миром.

Казалось, нынешняя поэзия, как, собственно говоря, и вся литература на постсоветском пространстве, освободившись от цензуры и пристального партийного контроля, получила наконец неограниченную свободу. Ожидалось, она явит миру шедевры, заблестит новыми именами, выработает оригинальные жанры и стили. Получилось наоборот. Оказалось, сами литераторы не готовы к свободе, и совершенно неспособны пользоваться дарованными ею возможностями. Многие увлеклись экспериментированием над формой стиха, как будто забыв, что подобные увлечения исчерпали себя в европейских, (да и в русской и украинской) литературах еще в начале прошлого века. Многие начали тянуть в свои произведения ненормативную лексику, но и русский мат не помог создать ничего сколько-нибудь значительного. Многие, заиклившись на следствии и не видя причины явления, бросились описывать низменные страсти, избрав объектами антисоциальные элементы, смакуя при этом отвратительными подробностями, и снова ничего кроме разочарования и собственного бессилия такая якобы “литература” не показала. Да и не могло быть иначе. В искусстве, в данном случае речь идет о литературе, автору позволено все, в том числе и рискованные эксперименты с формой и языком, но только при условии, что писатель сумеет заставить читателя поверить ему и сопереживать, а для этого ему, писателю, нужно и самому быть искренним и правдивым, даже рассказывая самую невероятнейшую историю, и, главное, он в равной степени должен любить всех созданных им героев, как Творец любящий равно созданных им детей — праведных и грешных. На понимании этого и стоит веками мировая литература.

Как это ни прискорбно, но украинская литература, как и украинская власть, как, собственно, и весь украинский народ, живут иллюзиями и самообманом. Здесь всё зыбко и ненадежно. Вроде бы и есть государство, о котором мечтали и за которое сражались веками, но, на самом деле, оно много враждебнее простому человеку, чем даже порабоцвавшая его столетиями империя. Вроде бы есть избранные демократически парламент и президент, и правительство свое, не навязанное извне, но они существуют как бы в параллельном мире, где келейно решают свои проблемы, далекие от насущных требований жизни простых украинцев.

Украинские писатели почему-то закрывают на это глаза, живя своими иллюзиями и своей мнимой свободой, продолжая сражать-

ся с ветряными мельницами советской империи, рухнувшими двадцать лет назад. Они, как и прежде, ищут врагов извне, вспоминают давние обиды; заиклившись на прошлом, не видят ужасов творимых сегодня уже своей, “демократической и независимой”, властью да, чего греха таить, и веками воспеваемым ими народом. Они упорно имитируют бурный литературный процесс, проводя презентации собственных, изданных мизерными тиражами книг, страстно добиваются ничего не значащих литературных премий, годами ожидают подачек от властьпредержащих в виде медалей и званий. О какой независимости литературы может идти речь? Понятно и падение читательского интереса — среднестатистический украинец в год покупает книг на 2,9 евро...

Анатолий Можаровский — поэт уникальный для Украины, да, пожалуй, и для всего постсоветского пространства. Своими поэтическими книгами ему удалось создать воистину эпическое полотно — события конца двадцатого начала двадцать первого столетий показаны через личностное восприятие: падение коммунистической тоталитарной системы, распад Советского Союза, радужные надежды на будущее, порожденные свободой, и горькие разочарования днем нынешним, когда ожидаемая свобода и независимость превратились в очередной, еще более жестокий и бесчеловечный тоталитаризм.

Его стиль, его взгляд на современный мир, настолько новы и ни на что не похожи, что вызывают у многих недоумение и неприятие, а то и откровенную враждебность; его, как и библейских пророков, готовы побивать камнями и гнать с глаз долой за каждое слово, слетевшее с его уст, ибо слово это — Правда. Неприкрытая. Неприукрашенная. Пугающая.

После выхода очередной книги “Эпоха в застенке” его три месяца терроризировал провокационными телефонными звонками некий полковник милиции: поэт, видите ли, осмелился писать о политических репрессиях в Украине и цинизме властей!

Даже коллеги-писатели в большинстве своем не воспринимают творчества Анатолия Можаровского — самое малое, что ему вменяют в вину: мол, начитался, американских поэтов и себе давай гнать в том же духе! Более абсурдного обвинения, пожалуй, не придумаешь. К примеру: как ни старайся, а даже отдаленных реминисценций поэзии наиболее переводимого когда-то американца Уолта Уитмена в творчестве Анатолия Можаровского не найти. Как не найти влияний и кого либо другого.

Первые книги Анатолия Можаровского отличались напористостью и стремительностью стихии. Долго сдерживаемый талант как внешние воды прорвал плотину, вырвался на волю и внезапно, разом, залил все прилегающие территории: поэту не терпелось ска-

зять обо всем и сразу. Здесь соседствовали трогательные воспоминания о первой любви, запоздалая нежность, боль, раскаяние и невыговоренная в свое время признательность ушедшей в вечность матери, тревога и боль дней сегодняшних, грозные инвективы и лирические зарисовки. В разнообразии тем поэт интуитивно искал свою форму стиха, собственный стиль, свои языковые средства. Нельзя не заметить постоянно растущее от книги к книге мастерство, все более четко выраженную социальную направленность его поэзии. Сегодня Анатолий Можаровский уже целиком сформировавшийся поэт, имеющий свой, легко узнаваемый и ни на кого не похожий, голос.

Хотя мы и живем в христианской стране, но от истинного христианства далеки — остались лишь внешние формы обрядов. В сущности, христианство у нас далеко уже не христианство. Завета Любви никто не осуществляет. Одни живут за счет других: знают, что есть бездомные и голодные, но возводят себе дворцы и пиршествуют ежедневно; могут воровать якобы законным способом и презирать честного труженика; позволяют демонстративно возводить на украденные у сирот деньги помпезные храмы и постреливать в прихваченных угодах нищих сограждан. Это ли христианство? Полный распад общества, на руинах которого беснуется новый вид существ, для которых мы, люди, только лишь декорации, источник доходов, податливый материал для удовлетворения прихотей. Все это видит и понимает Анатолий Можаровский, об этом и пишет. Каждое его стихотворение — звено в цепи горестных столкновений художника с враждебным человеку миром. Воплощенные в художественные образы потрясающей реалистической силы, проникнуты безграничной любовью к людям, поэзии Анатолия Можаровского не только обличают, но и указывают путь к спасению и возрождению, путь простой и, к сожалению, для многих — немыслимый: жить в истинной вере и любви к Богу, жить по Его Заповедям.

Михайло МАЛЮК

Алхимики духа,
превращая собственную низость
в собственное величие,
тешатся этим
и хотят поделиться
со всеми, с кем можно,
вырываясь из сапожной
мастерской, с подмастерья,
на самый прогнивший
верх отвращения.
Их там не любит
никто,
лишь жалеют.
Люди, что снизу,
от них фонареют,
и тихо уходят в себя
от пороков, которые
мироправители разносят
коростой,
за ветром пуская
заразу, что сразу
цепляется к люду,
и он тоже,
не сразу, не все,
но постепенно
алхимит и верит,
что он — народ с высшей целью.
А верх тянет вверх
богатство себе.
Двадцать уж лет
грабят в стране
попуще пришельцев
когда-то извне.
Да что там тот Сталин!
Он просто пацан.

А эти химичат
все для себя,
народ весь
как нищий:
больницы — шприц
один на палату,
и тот с дыркой сбоку, —
вытекает лекарство,
которое нужно купить
вновь больному,
и могилы, могилы
очень рано и много...
Уходит народ в небеса
прежде срока
от нищеты, голытьбы,
что пороком
алхимики сделали
в сытой стране,
а сами величают себя
как герой на коне,
что скачет по полю
повергнув врага.
Эх, янычары,
алхимики зла...

22.09.2012.

Заумные мудрствования разумцов
под завязку образованных подлецов.
Их много на политическом поле,
как в лесу дров,
без чести, без совести.
Любят вещать,
учить, обещать, свистеть и трещать,
особенно в выборов дни.
Мчится детище властей
скорый поезд «Прохиндей»,
в нем полно таких людей.
Едут вглубь страны
пацаны, не молчуны,
точат остро языки
для лишения тоски.
Старики, не старики
их не ждут.
Наперегонки летят они,
и в штыки других, в штыки! —
всех, кто не мыслит как они,
мудрованы, битюги,
политологи-рвачи.
И народ молчит в тиши,
от этих брехозубоскалов
не уйти.
Разбегутся звери,
птицы отлетят из селений вдаль,
а на сценах, под милиций
зоркий хран,
они будут обещать
нам красоту,
деньги, девок и еду
без труда и без забот.
Надо лишь открыть
свой рот,
как открыли мудруны,
и сидеть, спустив штаны.

— Все придет для кайфа страсти! —
их слова, как хлеб на масле.
Надо только верить, ждать.
Они как боги стали,
в масть попали, в туз и десять,
разуметели прецепций.
И затихнут на пяток минут,
на час,
после выборов.
Мандат...
Слово — страсти столько в нем!
Кол встает на дыбы.
Звон в ушах,
круги в глазах —
мандат! —
их цель,
а нам другой,
словесный,
кайф.

22.09.2012.

В Римском Колизее
сегодня снова бой.
Глаза прекрасной женщины
прикованы к арене
и безмолвный крик ее
гладиатору:
— Любимый, если ты умрешь
я уйду с тобой!
Удар мечей.
Брызгами летает пот и кровь.
Сдуревший мир
за зрелища
сам умереть готов.
И бьются два железных воина
уже не первый час.
Их силы на исходе,
и ран не сосчитать.
В последний миг
вскочил к любимой
гладиатор,
под дикий рев трибун
обнял,
затем вдвоем,
оставив мужа-патриция
вернулись на арену,
и стали перед гладиатором
оба на колени.
И вой, и крик с трибун,
и пальцы, пальцы вниз.
Удар меча,
и пали влюбленные под свист,
улюлюканье и чавканье
жующих ртов.
Римляне великие
готовили остов
гроба для империи
расцветшей на крови,

но извращенно верившей
в себя:
сами боги!
И первых христиан
гнали в Колизей.
Падала империя,
насытившись разврата и кровей.

22.09.2012.